

**«В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПАТРИОТКА,
А ЗАТЕМ ФЕМИНИСТКА»: НАЦИЯ И ГЕНДЕР В ТРАВЕЛОГАХ
СЕРБСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЕЛЕНЫ ДИМИТРИЕВИЧ**

Анна Геннадьевна Бодрова

кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: a.bodrova@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0002-8625-6589

Аннотация. В статье исследуется пересечение нескольких видов дискриминации (гендерной и эйджистской, гендерной и национальной, а также расовой) в травелогах сербской писательницы Елены Димитриевич (1862–1945). Затрагиваются следующие аспекты ее творчества: 1) Балканы как воображаемое пространство между Востоком и Западом; 2) самоидентификация сербской путешественницы; 3) эйджизм в сербском обществе; 4) воображаемый Восток; 5) взаимосвязь патриотизма и феминизма; 6) дискриминационные практики в США; 7) место в национальном каноне. Методологически исследование опирается на достижения постколониальных и гендерных теорий, а также на теорию интерсекциональности. Особое внимание уделяется соотношению «восточной» и «женской» темы в текстах Димитриевич, их взаимосвязи с национальной проблематикой, затрагиваются и проблемы расовой дискриминации. С различными формами угнетения сталкивается сама писательница, иногда – это сами встретившиеся ей во время путешествия женщины. Нередко в ее текстах (например, в американском травелоге) по очереди разоблачаются разные виды дискриминации. В произведениях сербской писательницы очевиден как поиск идентичности, так и отказ от застывших идентичностей.

Ключевые слова: Елена Димитриевич, травелог, интерсекциональность, нация, раса, гендер, возраст, Восток, Америка, Балканы

Введение

Елена Димитриевич (Елена Димитријевић, 1862–1945), по сравнению с современницами, много путешествовала. 17 лет она прожила вместе со своим супругом в южной Сербии, в городе Ниш, где познакомилась с жизнью местных гаремов. Писательница несколько раз ездила в США (1920 и 1927 гг.), побывала в Греции, Палестине, Сирии, Ливане, Китае, Японии, Египте. О некоторых поездках она написала путевые заметки. Травелоги занимают значительное место в ее творчестве: «Письма из Салоник» («Писма из Солуна», 1918), «Письма из Индии» («Писма из Индије», 1928), «Семь морей и три океана» («Седам мора и три океана», 1940), «Новый свет или год в Америке» («Нови свет или у Америци годину дана», 1934) и др.

Димитриевич в своих текстах проблематизирует пересечение нескольких видов дискриминации: гендерной и эйджистской, гендерной и национальной, а также (в меньшей степени, в американском травелоге) расовой и классовой. Иногда с различными формами угнетения сталкивается сама писательница, иногда – встретившиеся ей во время путешествия женщины, а иногда в ее текстах (например, в американском травелоге) по очереди разоблачаются разные виды дискриминации.

Между воображаемым Востоком и Западом

Феминистка Елена Димитриевич родилась в княжестве Сербия, стране, недавно вернувшей свою государственность после многовекового гнета Османской империи. Колониальное прошлое родной страны определило особую чувствительность Димитриевич к разным формам угнетения, хотя позицию сербской писательницы невозможно соотнести ни с воображаемым Западом, ни с воображаемым Востоком.

Общим местом в исследованиях, затрагивающих тему «Востока», является привлечение понятия ориентализма [Said], подразумевающего под «Востоком» конструкт, созданный учеными и литераторами Европы. В статье среди прочего будет рассматриваться специфика ориентализма в травелогах писательницы, происходящей из балканского пространства, во многом пограничного – т. е. в понимании Димитриевич не совсем «восточного» и не совсем «западного». «Я Балканы отделяю от Востока, потому что они немного Восток, но в то же время немного Запад» [Димитријевић 1940: 44], – пишет она в травелоге «Семь морей и три океана». В «западной» культуре распространена оппозиция «Восток – Запад», восходящая к дихотомии «я» и «другой / чужой»: Восток – женственный, пассивный, подчиненный, отсталый, Запад – маскулинный, прогрессивный, до-

минантный. В этой связи будет интересно рассмотреть соотношение «восточной» и «женской» темы в путевых заметках Димитриевич, а также их взаимосвязь с национальными конструктами. Наиболее продуктивным представляется постнеклассический (или деконструктивистский) подход к нации: нация рассматривается как плод коллективного воображения, «воображаемое сообщество» [Андерсон: 30], как продукт дискурсивных практик.

По Л. Вульф, с тех пор как в XVIII в. оппозиция *север / юг* сменилась оппозицией *восток / запад*, Восточная Европа присутствует в воображении Западной (проект воображаемой Европы как полуориентализации) [Вульф] и Балканы являются своего рода полуориентальным «другим» для Западной Европы. М. Тодорова подробно разбирает изобретение Балкан в своей монографии «Воображая Балканы» (1997) [Todorova]. Балканы становятся местом воображаемого цивилизационного перехода. С. Жижек считает, что Балканы в сознании многих местных народов (например, словенцев, хорватов) – это всегда страна где-то ниже [Žižek]. Т. Циммерман вслед за многими учеными пишет о культурном имажинарии Балкан как о «ничьей земле», о «третьем пространстве», наделенном воображаемым двойным отрицанием – это ни Восток, ни Запад [Zimmermann: 8]. Отдельного упоминания заслуживает образ

«Дикой Европы», разработанный в исследовании Б. Езерника: словенский ученый изучает взгляд западноевропейских путешественников на Балканы [Jezernik].

Самоидентификация

Воображаемые Западом (часто западными путешественниками) Балканы являются достаточно исследованной темой, в статье акцент переносится в область самоидентификации. Рассматривается, кроме прочего, «самоизобретение» или самоидентификация Елены Димитриевич, жительницы Сербии, одного из регионов Балкан. Подкрепляет ли писательница свой образ «недоевропейки», навязываемый «Западом» Балканам? Процесс самоидентификации часто происходит в движении и связан зачастую с перекрещиванием или столкновением различных идентичностей (национальной, расовой, гендерной и проч.).

В любом травелогге присутствует категория Другого – в путешествии происходит встреча с Другим. Осмысление Другого осуществляется в диалоге с Я, на фоне собственного опыта. Травелог можно считать скрытой автобиографией: в нем присутствуют не только описания страны, по которой перемещается автор, – в тексте содержатся сведения и о самом путешественнике-це. Димитриевич рассказывает не только об увиденных городах, людях и явлениях, но и о себе, о событиях своей жизни. Так мы узнаем об опыте ее

путешествий по Востоку, о личной трагедии (на Первой мировой войне погиб муж Елены), о политических взглядах и интересах.

Димитриевич на протяжении всей жизни интересовалась женским вопросом, принимала активное участие в работе сербских женских организаций. Женский вопрос, бесспорно, является главной темой творчества Димитриевич. По концепции С. де Бовуар, женщина в обществе – это «другой» [Бовуар: 28]. Поэтому женские травелогии можно определить как взгляд «другого» на «другого / чужого», или взгляд дискриминированной на дискриминированных. Женщина, отправившаяся в путешествие, уже самим этим фактом приобретает в культуре особый статус. Она, покинув дом, традиционно отводимое женщине место [Habinger: 43], сферу приватного, нарушает границы принятого порядка.

Эйджизм в сербском обществе

Путешествие женщины пожилого возраста, занимающей маргинальное положение в обществе, могло вызывать еще больше осуждения. К теме «старой» женщины, а также к культурному феномену старой девы¹ уже не раз обращались исследователи

[Baumgarten]. Например, Индию Елена Димитриевич посетила в возрасте 65 лет. Для Сербии того времени этот поступок был в высшей степени необычным. В травелогии «Семь морей и три океана» она пишет об осуждении, которое вызвало ее намерение отправиться в путешествие: «Многие из наших соотечественников..., услышав, что я собираюсь в путь, в Египет, спросили бы меня с удивлением: “Откуда такой кураж у нашей женщины, женщины ваших лет (“женщины ваших лет” непременно было бы сказано) отправиться в такой дальний путь, да еще и одной?”» [Димитријевић 1940: 12].

Димитриевич комментирует данное высказывание и связывает его с отношением к пожилым женщинам на Балканах:

«“Женщина ваших лет!” Да, так многие скажут. Потому что на Балканах живут неспешно; умирают, как везде, а стареют быстро. Многие и сами себя записывают в старики, когда им только за пятьдесят, а некоторые еще и раньше...: чтобы оправдать свою бездеятельность» [Димитријевић 1940: 14].

Писательница-путешественница полемизирует на тему старости:

---

¹ Примечательно, что соотечественница Димитриевич, известная писательница Исидора Секулич (Секулић, 1877–1958) поднимает тему «старых дев» в травелогии «Письма из Норвегии» (“Писма из Норвешке“ 1914) [Секулић]. Она рассказывает, что в Сербии «старые девы» совершенно бесправные существа, в отличие от норвежек, имеющих в социуме высокий статус.

«О, люди! Не повторяйте “женщина ваших лет!”, ведь есть молодые старики и старая молодежь. И не забывайте и в своей стране чужую поговорку: “Мне столько лет, на сколько я себя чувствую”. И наконец, вспомните, что дух человека не имеет возраста» [Димитријевић 1940: 14].

Пример из травелога Димитриевич свидетельствует об особом статусе Балкан и балканской женщины – путешествия западноевропейских женщин, по словам Димитриевич, в XX в. не вызывали ни у кого удивления или осуждения: «И никто, никто, ни англичане, ни американцы, меня не спрашивает: “Откуда у меня кураж”, и почему я путешествую» [Димитријевић 1940: 15].

Воображаемый Восток

Во многих произведениях Димитриевич обращается к теме «Востока». В своем раннем травелоге «Письма из Салоник» Димитриевич признается, что ее потрясла очерпнутая из газеты информация о Младотурецкой революции 1908 г. В заметке было написано, что турчанки с непокрытыми головами вышли на улицы. Сербскую писательницу это настолько взволновало, что она поменяла планы: «Хотела ехать в Европу, но передумала, ... более сильная любовь к Востоку победила» [Димитријевић 1918: 6]. Получается, что желание узнать, на самом ли деле турчанки изменили традиции

прятать лицо, заставило Димитриевич отправиться в путь. Большая часть данного травелога посвящена женскому вопросу в Турции. Покрывало на голове женщины, как и ее украшения, становятся в текстах Димитриевич символом порабощенности. Доминирование черного цвета в одежде египтянок также трактуется писательницей в «Семи морях и трех океанах» как признак несвободы. Например, она отмечает, что в Каире местные жители мужского пола носят одежду всевозможных ярких цветов, а женщины одеты в черное [Димитријевић 1940: 207].

Сербская писательница заявляет, что одежда на Востоке очень важна: «Поскольку я готовилась к путешествию по Востоку, а мне было известно, что значит одежда на Востоке, я обеспечила себя в Париже туалетами по последней парижской моде» [Димитријевић 1940: 374–375].

Примечательно, что данную фразу Димитриевич пишет, когда наряжается на встречу с Али-Пашиницей, представительницей женского движения в Дамаске, которая принимает путешественницу в своем дворце Харун-аль-Рашид. Димитриевич знакомится с ее дочерьми, которые свободно говорят по-французски, а с Али-Пашиницей она общается по-турецки. Во время визита Димитриевич обсуждает с хозяйкой тему женской эмансипации. Али-Пашиница сравнивает ситуацию в Турции и Египте:

«В Турции женский вопрос уже решен, а решали его и решили просвещенные турецкие женщины коллективно, и принесли решение Мустафе Кемалю на подпись. В то время как в Египте говорят только об одной женщине [здесь речь идет о председателнице Союза египетских феминисток по имени Хода Шаарауи – А. Б.] – она сама начала движение, сама решает и, возможно, решит; но подпишет ли Фуад Первый – это вопрос» [Димитријевић 1940: 378].

Димитриевич вносит в повествование «восточный» колорит, рассказывая историю дворца, который построил один из предков Али-Паши для своей любимой жены, бывшей рабыни Зенаиды из Грузии. Димитриевич комментирует, что таких историй она наслушалась в больших количествах по турецким гаремам. Однако ее история претендует на подлинность – ей удастся познакомиться с Зенаидой. Этой женщине, по словам ее родственников, 128 лет.

Димитриевич не раз в своих текстах пишет о «волшебном сне Востока», в котором есть прелесть (с большой любовью она воссоздает «восточный» колорит), но который также становится символом несвободы, непросвещенности. Елена Димитриевич предлагает читателю стереотипы о жизни женщин Востока, а затем их разрушает. Например, она не раз подчеркивает образованность восточных женщин в гаремах – они прекрасно владеют несколькими языками, в том числе европейскими, много читают. В травелог

«Письма из Салоник» турчанки комментируют роман Пьера Лоти «Азиаде», действие которого развивается в основном в Стамбуле, о любви турчанки и европейца, и утверждают, что там ничего реального не описывается [Димитријевић 1918: 33]. Можно сказать, что угнетенным женщинам Димитриевич дает право голоса, возможность высказать свое мнение по поводу западноевропейских восточных сексуальных фантазмов.

Рассказывая о своих спутницах, англичанках, француженках, американках, сербская писательница подчеркивает, что большинство из них не владеют иностранными языками, плохо знают историю и географию, но много путешествуют, в отличие от запертых в гаремах жительниц Востока. Так, одна американка в травелог «Семь морей и три океана» на вопрос Димитриевич, на каком языке она будет говорить во время кругосветного путешествия, ответила: «Боже мой, на английском. На каком еще, если другого я не знаю!» [Димитријевић 1940: 15].

Нация и гендер: от патриотизма к феминизму

В Египте самым значимым для Димитриевич событием становится знакомство, а затем общение с известной феминисткой, политиком Ходой Шаарауи. Примечательно, что, давая характеристику своей новой знакомой, Димитриевич пишет, что Шаарауи «в первую очередь патриотка, а затем фемин-

нистка» [Димитријевић 1940: 210]. В данном случае очевидно пересечение национальной и гендерной проблематики в травелогах Димитриевич, которая в своих текстах зафиксировала процессы как национально-го возрождения (в Египте, Индии, Сербии, Османской Империи), так и женской эмансипации в первой половине XX в. О тесной связи нации и гендера свидетельствуют названия журналов, начавших появляться с конца XIX в. Хода Шаарауи, по рассказам Димитриевич, основала газету «Эжиптъенн» (Египтянка), в Сербии известным женским изданием было «Српкиња» (Сербка).

Специфику травелога определяет позиция путешественника. Национальная и гендерная идентичность самой Димитриевич отразилась на восприятии другой страны. Она путешествует именно как представительница сербской нации. В Индии Димитриевич знакомится с Рабиндранатом Тагором. В своем травелоге она сопоставляет индийский и сербский народ, проводит параллель борьбы Индии за независимость с освобождением родной Сербии. К примеру, она именно своим происхождением объясняет тот факт, что ее приняли в доме Р. Тагора: «Потому что большой Индии импонирует маленькая Сербия; и ее берут как образец для осуществления своих идеалов» [Димитријевић 1928: 12]. В данной ситуации имеется в виду борьба за национальную независимость.

Димитриевич как женщина-писательница (т. е. априори, в соответствии с гендерной теорией, находящаяся в инфериорной позиции), встает на сторону «угнетенных», соотносит и себя, и свой народ с индийцами.

Женская тема, проблемы национальной и гендерной идентичности, их соотношение отличает травелоги Димитриевич от описаний Востока у других авторов. Наиболее ярко эту взаимосвязь гендерной и национальной идентичности демонстрирует высказывание Е. Димитриевич из травелога «Семь морей и три океана»:

«Мы, женщины сербские, не меньшие патриотки, чем женщины египетские... Не принадлежит ли большая часть заслуги, что из маленькой Сербии возникла большая Югославия, сербским женщинам?» [Димитријевић 1940: 213]

Следует обратить внимание, что Димитриевич осознает, что женская эмансипация – процесс сложный, что женщинам важно измениться внутренне, а не только переодеться в европейское платье (данная тема фигурирует и в романе «Новые женщины»). Писательница констатирует, что эмансипация иногда имеет только поверхностный характер. Так, внешность женщин из Александрии и Назарета, одетых по-европейски (шелковые чулки, короткие юбки, даже высокие каблуки), но с покрытыми головами, вызывает насмешку Димитриевич. «Подра-

жание Западу» на Востоке получает негативную оценку писательницы: «Это подражание Западу сильнее заметно на Востоке, чем на Балканах» [Димитријевић 1940: 44]. Однако и на Балканах присутствует следование новой западной моде, влияние как Востока, так и Запада. Описывая женщин Востока и их комичные попытки европеизироваться, Димитриевич проводит параллель с ситуацией на Балканах. Повествовательница дважды рассказывает шутку о наряде боснийской женщины (христианке из Сараево) в день ее свадьбы в период оккупации мусульманской Боснии Австро-Венгрией. На ней было европейское платье, а на голове феска. Женщину спросили, почему она так одета, и та ответила: «Платье – это оккупация, а феска – султан-властелин» [Димитријевић 1940: 338]. Димитриевич переносит эту комичную модель на египтянок, которые ответили бы, по ее предположению: «платье и туфли – англичане, а покрывало и кольца с деревцем в носу – Кедив-властелин» [Димитријевић 1940: 44]. А женщины из Назарета, возможно, по мнению Димитриевич, ответили бы: «короткая юбка и шелковые чулки – мандат, а покрывало на волосах – ибн Сауд-властелин» [Димитријевић 1940: 338].

При всем сочувствии и интересе к «восточным» женщинам Димитриевич не забывает о своей европейской идентичности – она путешествует как представительница христианской веры (в Иерусалиме), более

того, как православная. В одном месте текста она заявляет, что возникшее в Азии христианство – это религия самых культурных народов [Димитријевић 1940: 247]. Возможно, данное отношение к христианству связано с положением женщин в исламе. Примечательно, что при посещении храма Гроба Господня она, увидев могилу Адама, задает своему проводнику провокационный вопрос, где находится могила Евы. В этом вопросе, как и в других эпизодах, где внимание писательницы обращено к роли женщины в истории или культуре (в Каирском музее она ищет изображения Клеопатры, неоднократно вспоминает о таланте легендарной Шахерезады), содержится стремление расшатать устоявшийся западноевропейский патриархатный символический порядок, в котором женщине уготовано подчиненное положение.

«Гарем без паши»: дискриминационные практики в США

Стоит добавить, что опытная путешественница Димитриевич часто проводит необычные параллели: сравнивает США не только с родной Сербией, но и с Турцией и Египтом. Нередко она находит много общего у турчанок и американок: американки, как и турчанки, любят слишком яркий макияж, американки жуют жевательную резинку, но не курят, так как это запрещено, а турчанки и курят, и жуют «саказ» (тип жвачки).

«Сколько раз, наблюдая за жеванием таких прогрессивных женщин, я совершенно забываю, что я в Нью-Йорке, у Атлантического океана, и воображаю, что я в Царьграде, на берегах Мраморного моря и Босфора» [Dimitrijević 2019: 129].

Весьма необычным представляется и сравнение отеля для женщин в Нью-Йорке (Ратлидж) с турецкими гаремами («христианский гарем» [Dimitrijević 2019: 206] – пишет Димитриевич). «Большой гарем без паши» – так писательница характеризует другой пансион в Вашингтоне [Dimitrijević 2019: 347]. В данном случае проявляется чувствительность Димитриевич к политике разделения. Она замечает, что в Америке для мужчин и женщин даже в публичной жизни отведены разные сферы, у каждого пола своя социальная ниша: днем американки посещают различные собрания, клубы, церкви, библиотеки, слушают или читают лекции, занимаются благотворительностью, а мужчины в это время зарабатывают доллары в нью-йоркском районе Даунтаун. В США существуют специальные отели и пансионы только для женщин – именно в них и селится сербская писательница. В Вашингтоне она испытывает большие трудности, когда пытается найти себе жилье: большинство арендодателей ориентированы только на мужчин.

Димитриевич неоднократно в своем травелоге возвращается к проблеме расового неравенства: афроамериканцы

«к сожалению, не пользуются теми же правами, что и белые люди. Американцы не называют их неграми, а говорят “цветные”, *coloured people*. Кто мог бы подумать, что в такой христианской стране, как Америка, существуют предписания, что белым с неграми или, лучше сказать, неграм с белыми, нельзя смешиваться, например, ездить в трамваях, предназначенных для белых. Будто негры не являются такими же людьми, как и белые, будто не все мы равны перед законом божьим» [Dimitrijević 2019: 314].

Позиция Другого получает отражение и в текстах Димитриевич. Можно говорить о взгляде Другого на Другого, проявившемся в особой эмпатии писательницы. Как уже было сказано выше, Димитриевич с сочувствием относится ко всем дискриминированным слоям населения в Америке. В ее травелоге представлен дифференцированный взгляд на Другого, наблюдается смена оптики: то Димитриевич рассуждает о другой нации, т. е. об американцах вообще, представителях Нового Света (например, о молодости американской нации, об их патриотизме, граничащем с фанатизмом, об их трудолюбии), то переводит внимание на американских женщин, которые являются Другими по отношению к мужчинам, им отведены другие сферы в публичном пространстве. То автор пишет об афроамериканцах, которые являются Другими для белокожих, то – о различиях между средним и высшим классом (например, Димитриевич неоднократно упоми-

нает, что американки среднего класса самостоятельно ведут хозяйство, не пользуются помощью слуг), писательница не забывает и о Своих (сербах), хотя они тоже являются в Америке Другими. Все персонажи данного травелога награждаются Димитриевич «правом голоса». Данное многоголосие не так часто встречается в сербских травелогах (ср., например, тексты Иво Андрича, Йована Дучича и пр., редким исключением является текст Растко Петровича «Люди говорят», “Ljudi govore”, 1931).

Из американского травелога Димитриевич явствует, что при всей прогрессивности Америки по сравнению с Европой, в американском обществе отсутствует полная свобода, чувствуются жесткие рамки, имеют место разные виды дискриминации (расовой, классовой и гендерной). Димитриевич, пытаясь сохранить позицию наблюдателя, документирует существующие проблемы, задает вопросы. Их теоретическое обоснование будет сделано во второй половине XX в., когда появятся работы о расе, классе и гендере (например, книга Н. Юваль-Дэвис «Гендер и нация», “Gender & Nation”, 1997 [Yuval Davis]), а также исследования интерсекциональности, посвященные взаимосвязи различных видов дискриминации в культуре под влиянием разных факторов (расы, класса, гендера и проч.) [Crenshaw]. В травелоге в многоголосый хор Других вторгается и голос повествовательницы, задающей вопросом «Ах, Боже,

отец всех людей! До каких пор будут существовать расы, касты, классы; белые, черные и красные?» [Dimitrijević 2019: 319].

Место в национальном каноне

К сожалению, Димитриевич долго оставалась за пределами канона сербской литературы. Убедительным представляется объяснение этого факта, предложенное исследовательницей С. Слапшак. По ее мнению, Восток является для Балкан прошлым, к которому не хочется возвращаться. Для Сербии Османская империя является поработителем, ставшим причиной культурного регресса. Этим и отличаются, по словам Слапшак, травелоги Димитриевич от западноевропейских женских путевых заметок. Сербская культура «принимает» турецкую тему только в форме закрытого ностальгического прошлого, безжизненного, полного фантазмов, «натуралистического мелодраматизма» [Слапшак] (таковым примером, по Слапшак, является творчество сербского писателя Боры Станковича, воспевавшего юг Сербии). «Живое» свидетельство Димитриевич о жизни гаремов с героинями, которые хотят избавиться от прошлого, начать жить по-другому, не могло найти места в сербском каноне того времени. Слапшак называет Димитриевич, владевшую многими языками, лингвистической номадой и рассматривает ее творчество в русле феминистского номадизма (Рози Брайдотти). Действительно, в текстах Елены

Димитриевич много иностранных вкраплений (на английском, французском), особое внимание обращают на себя турцизмы. Так, например, без словаря турцизмов чтение текста «Писем из Ниша о гаремах» («Писма из Ниша о харемима», 1897) становится проблематичным. В данном феномене можно увидеть осознанное намерение расшатывать дискурсивные системы. Как уже говорилось выше, героини Димитриевич говорят на разных языках. Сама Димитриевич нередко выступает в роли переводчицы (например, встретив на берегу Иордана русских паломниц, Елена переводит своим спутницам их разговор на английский язык).

Заключение

Таким образом, балканский постколониализм не сводится к позиции ни третьего мира, ни «Востока» (по Саиду). Двойственная позиция балканских культур не позволяет им функционировать по той же системе, что и европейские: европеец создает свою идентичность за счет «дикарей» и «рабов». Балканское существование по обе стороны колониальных границ (в так называемом «между-пространстве» / *between space*) разрушает жесткие рамки концепции Саида. Для определения колониального-колонизаторского положения Балкан продуктивно опираться на размышления Г. Спивак, предложившей следующий тезис: Другому, колонизированному, не следует западному колониализму противопоставлять

свою (национальную) идентичность, а наоборот – свою неопределенную принадлежность, многогранность и амбивалентность [Spivak: 245–246]. О позиции Другого и о критике, которую на концепцию Саида направил Х. Баба [Bhabha], упоминает С. Слпшак, размышляя о стратегии колонизированного: «он сотрудничает при создании стереотипов, так что в двунаправленной и двусмысленной игре в замену идентичности адресат изобретения проигрывает, а стабильных моделей на самом деле не существует» [Matešić, Slapšak: 228].

В творчестве Димитриевич, безусловно, наблюдается стратегия, дестабилизирующая установленный гендерный, расовый и классовый порядок. Можно говорить об интерсекциональности, присутствующей в ее травелогах, во всяком случае, в смысле пересечения различных идентичностей. В текстах сербской писательницы очевиден как поиск идентичностей, так и отказ от застывших идентичностей. Статус самой повествовательницы оказывается неоднозначным: она путешествует как представительница Балкан, как сербская женщина, но вместе с тем как переводчица между культурами, между «Востоком» и «Западом», которая охотно переходит из одной системы ценностей в другую (она видит мир то глазами обитательниц гаремов, то как западноевропейская феминистка, то как сербская патриотка). При этом «женская» тема остается доминантной для всего ее творчества.

Литература

- Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- де Бовуар, С. Второй пол / пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. Т. 1–2. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
- Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Baumgarten, K. (1997). Hagestolz und alte Jungfer. Entwicklung, Instrumentalisierung und Fortleben von Klischees und Stereotypen über Unverheiratetgebliebene. Münster, New York: Waxmann.
- Bhabha, H. (1994). The location of culture. London, New York: Routledge.
- Crenshaw, K. (2003). Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color. In L.M. Alcoff, & E. Mendieta (Eds.), *Identities: race, class, gender, and nationality*. Malden, MA: Blackwell, 175–200.
- Димитријевић, Ј. (1928). Писма из Индије. Београд: Библиотека народног универзитета у Београду.
- Димитријевић, Ј. (1918). Писма из Солуна. Сарајево: И. Ђ. Ђурђевић.
- Димитријевић, Ј. (1940). Седам мора и три океана. Путем око света. Београд: Државна штампарија Краљевине Југославије.
- Dimitrijević, J.J. (2019). *Novi svet ili u Americi godinu dana*. Beograd: Laguna.
- Habinger, G. (2006). *Frauen Reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert*. Wien: Promedia.
- Jezernik, B. (2004). *Wild Europe: the Balkans in the gaze of Western travellers*. London: Saqi in the association with The Bosnian Institute.
- Matešić, M., Slapšak, S. (2017). *Rod i Balkan*. Zagreb: Durieux.
- Said, E. (1997). *Orientalism: Western representations of the Orient*. London: Pantheon Books.
- Секулић, И. (1961). Сабрана дела. Књига прва. Сапутници. Писма из Норвешке. Београд: Матица српска.
- Слапшак, С. (1998). Хареми, номади: Јелена Димитријевић. ПроФемина, 15–16, 137–149.
- Spivak, G.C. (1987). *In other worlds: essays in cultural politics*. London, New York: Methuen.
- Todorova, M. (1997). *Imagining the Balkans*. NY: Oxford University Press.
- Yuval Davis, N. (1997). *Nation and gender*. London: SAGE Publications.
- Zimmermann, T. (2014). *Der Balkan zwischen Ost und West. Mediale Bilder und kulturpolitische Prägungen*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag.
- Žižek, S. (1999). The spectre of Balkans. *The Journal of International Institute*, 6(2). Retrieved from: <https://quod.lib.umich.edu/j/jii/4750978.0006.202?viyew=text;rgn=main> (date of access: 02.02.2022).

References

- Anderson, B. (2001). *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism* (V. Nikolayev, Trans.). Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.
- Baumgarten, K. (1997). *Hagestolz und alte Jungfer. Entwicklung, Instrumentalisierung und Fortleben von Klischees und Stereotypen über Unverheiratetgebliebene* [Old bachelor and old maid. Development, exploitation and survival of clichés and stereotypes]. Münster, NY: Waxmann.
- de Beauvoir, S. (1997). *Le deuxième sexe* [The second sex] (I. Malakhova, E. Orlova, & A. Sabashnikova, Trans.) (Vols. 1–2). Moscow: Progress, St. Petersburg: Aleteiia.
- Bhabha, H. (1997). *The location of culture*. London, New York: Routledge, 1994.
- Crenshaw, K. (2003). Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color. In L.M. Alcoff, & E. Mendieta (Eds.), *Identities: race, class, gender, and nationality*. Malden, MA: Blackwell, 175–200.
- Dimitrijević, J. (1918). *Pisma iz Soluna* [Letters from Thessaloniki]. Sarajevo: I.Đ. Đurđević.
- Dimitrijević, J. (1928). *Pisma iz Indije* [Letters from India]. Beograd: Biblioteka narodnog univerziteta u Beogradu.
- Dimitrijević, J. (1940). *Sedam mora i tri okeana. Putem oko sveta* [Seven seas and three oceans. Traveling around the world]. Beograd: Državna štamparija Kraljevine Jugoslavije.
- Dimitrijević, J. (2019). *Novi svet ili u Americi godinu dana* [New World or one year in America]. Beograd: Laguna.
- Habinger, G. (2006). *Frauen Reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert* [Women travel abroad. Discourses and representations of traveling European women in the 19th and early 20th centuries]. Wien: Promedia.
- Jezernik, B. (2004). *Wild Europe: the Balkans in the gaze of Western travellers*. London: Saqi in the association with The Bosnian Institute.
- Matešić, M., & Slapšak, S. (2017). *Rod i Balkan* [Gender and the Balkans]. Zagreb: Durieux.
- Said, E. (1997). *Orientalism: Western representations of the Orient*. London: Pantheon Books.
- Sekulić, I. (1961). *Sabrana dela*. Knjiga prva. Saputnici. Pisma iz Norveške [Collected works. Vol. 1. Companions. Letters from Norway]. Beograd: Matica srpska.
- Slapšak, S. (1998). Haremi, nomadi: Jelena Dimitrijević [Harems, nomads: Jelena Dimitrijević]. *ProFemina*, 15–16, 137–149.
- Spivak, G.C. (1987). *In other worlds: essays in cultural politics*. London, New York: Methuen.
- Todorova, M. (1997). *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press.
- Wolff, L. (2003). *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: The map of civilization on the mind of the

Enlightenment] (I. Fedyukin, Trans.). Moscow: Novoie literaturnoe obozrenie.

Yuval Davis, N. (1997). *Nation and gender*. London: SAGE Publications.

Zimmermann, T. (2014). *Der Balkan zwischen Ost und West. Mediale Bilder und kulturpolitische Prägungen* [The Balkans between East and

West. Media images and cultural-political influences]. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag.

Žižek, S. (1999) The spectre of Balkans. *The Journal of International Institute*, 6 (2). Retrieved from: <https://quod.lib.umich.edu/j/jii/4750978.0006.202?viyew=text;rgn=main> (date of access: 02.02.2022).

Для цитирования: Бодрова, А.Г. «В первую очередь патриотка, а затем феминистка»: нация и гендер в травелогах сербской писательницы Елены Димитриевич // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 85–99. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-1-85-99

For citation: Bodrova, A.G. (2022). “Firstly a patriot and then a feminist”: nation and gender in the travelogues of the serbian female writer Jelena Dimitrijević. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (1), 85–99. (In Russ.). DOI: 10.18522/2415-8852-2022-1-85-99

**“FIRSTLY A PATRIOT AND THEN A FEMINIST”: NATION AND GENDER
IN THE TRAVELLOGUES OF THE SERBIAN FEMALE WRITER JELENA DIMITRIJEVIĆ**

Anna G. Bodrova, PhD, Associate Professor (Saint Petersburg State University, St. Petersburg); e-mail: a.bodrova@spbu.ru

Abstract. The paper deals with the intersection of several types of discrimination (gender and age, gender and nationality, race) in the travelogues of the Serbian writer Jelena Dimitrijević (1862–1945). The following aspects of her works are touched upon: 1) the Balkans as an imaginary space between East and West; 2) self-identification of a Serbian female traveler; 3) ageism in Serbian society; 4) imaginary East; 5) the relationship of patriotism and feminism; 6) discriminatory practices in the USA; 7) place in the national canon. Methodologically, the study is based on the achievements of postcolonial and gender theories, as well as on the theory of intersectionality. Particular attention is paid to the relationship between the “eastern” and “feminine” topic in Dimitrijević’s texts, their relationship with national problematics, and the racial discrimination is also touched upon. The writer herself encounters various forms of oppression. Sometimes women she meets during her travels are vivid cases of oppression. Quite often various types of discrimination are exposed in her texts (for example, in an American travelogue). In the works of the Serbian writer the search and the rejection of fixed identities are obvious.

Key words: Jelena Dimitrijević, travelogue, intersectionality, nation, race, gender, age, East, America, Balkans

